

Местные и региональные элиты / Local and Regional Elites

текст
Александр Левинтов /
text
Alexander Levintov

Понятие «элита»

Прежде чем обсуждать данную тему, необходимо, на наш взгляд, ввести понятие «элита» и определить функции элиты на современном этапе.

Понятие «элита» восходит к спартанскому слогану *el te el elite* – «со щитом или на щите». Элитой изначально называли, стало быть, героя, мужественно и самоотверженно погибшего в бою. Стать элитой можно было только посмертно. Это пафосное значение в наше омерзительное время достойно возрождения и противостояния им тому, что мы теперь называем «элитой».

Это исходное положение понятия «элита» предполагает: цель Бога (или богов) не в совершенствовании мира, а в совершенствовании человека, которое достигается человеком в борьбе и противостоянии несовершенству мира (в современной интерпретации – сильный антропный принцип космогенеза). Исходя из этого принципа элитности, можно выделить два важнейших свойства элиты:

- 1) элита – носитель смысла (смыслов) бытия;
- 2) так как порочность овладевает в первую очередь имеющими власть (по мнению Платона, Л. фон Хайека [1] и других авторитетов), то элита избегает власти и противостоит ей.

Принадлежность к элите вполне соответствует понятию героя в терминологии В. Лефевра, так как предполагает альтруизм, нестяжательство и отсутствие личных корыстей или тщеславных целей. Элита не только собирает смыслы бытия – она формирует из них целостную картину мира, онтологию, задавая вопросы, выходящими за рамки их жизни и современного им общества. И эта онтологическая работа – часть, важная грань рефлексивного управления, осуществляемого элитой. Вопрос Платона: «Каким должен быть мир, чтобы в нем была невозможна казнь Сократа?» – стоял перед Платоном всю его жизнь и не разрешен до сих пор, поскольку Сократов продолжают казнить.

В четвертой книге «Законов» изложена универсальная формула платоновской философии избранности: «...мы считаем самым ценным для людей не спасение во имя существования, как это считает большинство (т. е. массы),

В статье реконструируется история формирования понятия «элита», предназначение и функции элиты, прежде всего формирование ею смыслов существования. Показано место элиты в отношениях между государством и обществом. Дана новая характеристика организации власти как меритократии, власти по заслугам. Статья заканчивается предложениями по включению региональных и местных элит в процессы регионального развития и проектирования.

Ключевые слова: элита, местная и региональная элита, общество, государство, власть, меритократия, политика. /

The article reviews the history of the notion of elite, its mission and functions, and, first of all, how it forms the reasons for existence. It also features the role of the elite in the relations between the state and the society. Organization of the power is newly characterized as a meritocracy, or a merit-based power system. In the conclusion of the article there are proposals for inclusion of regional and local elites in the processes of regional development and planning. Keywords: elite; local and regional elite; society; state; power; meritocracy; policy.

но достижение совершенства и сохранение его на всем протяжении своей жизни» [2]. Элита, по мнению Платона, универсально относится к законам, заповедям и правилам, следуя им всем, а не избирательно – чему хочется и может следовать.

Кто-то в свое время весьма остроумно заметил: «История – это кладбище политических элит». На этой мажорной ноте и будет разворачиваться все дальнейшее размышление.

За исключением очень тонкого, гонимого и преследуемого, тщательно выкорчевываемого слоя творческой элиты, в течение почти века в стране господствовала охлократия и ее представители (от Ленина до Путина, без единого исключения). Места для элиты просто не было. Однако сегодня, если Россия надеется войти в исторический процесс, ей нужна институционализация элит, без которых вхождение в глобальные процессы более чем сомнительно [3]: «Если в том или ином обществе уничтожаются и «выбиваются» элитные группы и особи, происходит деградация всего общества, прежде всего, его культуры» [4].

Функции элиты в современной России

На этом фоне современная российская бизнес-элита выглядит не самым лучшим образом [5].

Таблица 1. Моральный выбор и «юзерские» ориентации в современном российском социуме (%)

	Верхний слой	Средний слой	Нижний слой	Бедные
Чтобы преуспеть, надо перешагнуть через некоторые нормы морали	54,3	40,5	27,5	13,6
Я лучше не достигну успеха, но не пойду вразрез с совестью	45,7	59,5	72,5	86,4
Необходимость владения компьютером	70,5	47,1	33,8	29,1
Необходимость владения иностранным языком	45,8	24,0	14,0	14,1

Россия на протяжении всей своей истории была и остается страной с доминантой политических, властных отношений, в отличие от стран западной цивилизации, где начиная с XVI–XVII веков господствуют экономические, рыночные отношения. С этой точки зрения Россия, с одной стороны, остается феодальным государством, а с другой – типично азиатской страной. Практически уже два века «прозападная» партия (в XIX веке она так и называлась – «западники») находится в меньшинстве и в оппозиции к византийско-азиатско-патриархально-консервативной партии, которая никогда, даже в ходе революции 1917 года, не теряла своей власти и в открытую обвиняла прозападную партию в предательстве.

Эта странная ситуация, когда одним хочется держать скипетр и корону, восседая в «мерседесе», а другим видится собственное светлое будущее как нынешнее серое настоящее западной цивилизации, является по сути неразрешиваемой завязкой драмы под названием «Россия».

Попытки внедрения западной, рыночной экономики были бы самоубийственны для российской государственности, если бы не чрезвычайная способность ее экономики мимикрировать под что угодно в угоду этой государственности.

Если в западных странах вступление во власть – следствие преодоления некоторого экономического и образовательного ценза, то в восточных (от стран Магриба до Центральной Азии), в том числе и в России, власть нужна для приобретения богатства и «ума», что делает жажду власти и удержания власти неутолимой: здесь нет пределов.

Политизированность российского общества выражается еще и в том, что в российской ментальности первой ассоциацией со словом «элита» неизменно оказывается «политическая», а все остальные рассматриваются скорее как метафоры. Это же толкает представителей всех остальных элит в политическую элиту, во власть. По количеству спортсменов, писателей, артистов, ученых, представителей всех других элит выборные органы власти Россия, несомненно, один из мировых лидеров.

Государство со множеством центров власти (полиархия) [6] предполагает несколько независимых политических элит (исполнительная, законодательная, судебная, региональная). У нас сильна тенденция к приватизации власти на всех уровнях иерархии, что чревато: «Стремление превратить власть государства в частную собственность есть не что иное, как путь к распаду государства, к уничтожению его в качестве силы» [7].

Причины неблагоприятного состояния государства и общества сформулированы в работе [8]:

- единство легальной и теневой экономики,
- сращивание власти и собственности,
- доминанта авторитарных принципов и методов подбора и расстановки кадров,
- духовный кризис общества,
- падение нравственно-этических и социокультурных факторов в регулировании общественных отношений.

В мире существует две основных модели рекрутирования элиты: гильдейская и антрепренерская. В мировой практике обе эти модели, как правило, сочетаются, взаимно компенсируя недостатки каждой из них.

Для антрепренерской модели характерны:

- открытость и доступность для представителей разных слоев и групп общества,
- ограниченный набор институализированных фильтров и требований,
- участие в отборе всех избирателей,
- высокая степень конкурентности при отборе среди претендентов,
- ориентация на личные качества претендентов.

Недостатки этой модели – непредсказуемость курса,

риски популизма и непрофессиональности претендентов, повышенная конфликтность.

Гильдейская модель менее демократична:

- она закрыта и малодоступна для нижних социальных слоев,
- отбор проводится по очень широкому кругу показателей и многоступенчатым фильтрам (как это было НСДАП и КПСС),
- узкий и заранее очерченный круг «селекционеров»,
- бюрократичность,
- риск воспроизводства правящей / действующей элиты.

Западный истеблишмент рассматривает государство как корпорацию [9], Ltd, как организацию с ограниченной ответственностью, где собственники (избиратели и налогоплательщики) делегируют функции управления или властные функции, но при этом, благодаря Конституции и законам, гарантируют для себя порядок, безопасность и реализацию своих гражданских прав и свобод. В России корпоративность государства в принципе весьма затруднена.

Власть всегда сопряжена с насилием, принуждением, ограничением [10]: в этом самоценность власти. Власть всегда диффузна и стремится выйти за отведенные ей рамки, особенно в тех случаях, когда эти рамки установлены ею самой. Агрессивная природа человека толкает его к власти, но именно по этой причине подлинная элита вынуждена избегать власти, и по той же причине всякая политическая и властная элита всего лишь «элита». У любого человека есть его естественное и неотъемлемое право и властвовать, и подчиняться власти, и уклоняться от подчинения власти. Для охраны свободы человека существуют законы, благодаря которым он легально осуществляет свой выбор из этих трех решений, легально выражает свое согласие или несогласие, легально вступает во власть.

Фискальные, карательные и вообще репрессивные функции государства отвратительны, но необходимы. Тезис К. Маркса о необходимости отмирания государства представляется вполне справедливым и поддерживается многими, прежде всего элитами. Надо полагать, что это отмирание начнется или уже началось с отмирания репрессивных функций и органов в пользу самоуправления и самоорганизации, вплоть до налогового самообложения, в превращение государства из машины насилия в сервис.

Помимо уже названной в самом начале функции порождения смыслов бытия, элита выполняет еще несколько функций. Время течет непрерывно, истории свойственно «зависать», когда ничего не происходит и не меняется. История движется толчками – и эти толчки осуществляются элитой.

Так сложилось, что в российской истории начиная с середины XVII века, то есть уже почти четыреста лет, самой мощной с точки зрения исторической тектоники была литературная элита. Все началось с протопопы Аввакума, первого русского писателя, создавшего современный самостоятельный (не переводной с немецкого, как у Ломоносова) русский язык и русскую словесность, и одновременно религиозного лидера, за которым пошла, несмотря на гонения и мученические смерти, треть православной России. «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева действительно оказалось пуще пугачевского бунта – редкий случай, но тут Екатерина II оказалась права. В реальности Пушкин раболепствовал перед Николаем I (что в конце концов и погубило поэта), но Пушкин не только создал русскую поэзию – он до сих пор остается олицетворением противостояния самодержавию и рабству. Достоевский и Толстой дали для нравственного развития общества, для самосознания и самоидентификации

тификации русских в мире более всех, но один пережил собственную казнь и десять лет Мертвого дома, а другой был отлучен от церкви.

Михаил Булгаков («Мастер и Маргарита»), Александр Солженицын («Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг ГУЛАГ») и поэт Иосиф Бродский, каждый по-своему, развенчали и растоптали коммунистический миф и советскую власть. Собственно, они и совершили перестройку и коллапс СССР, если говорить об эндогенных факторах развала страны и государства.

«В начале было слово» – в начале каждого поворота российской истории. И последнее, надгробное слово над этой страной и этим народом скажет когда-нибудь российский поэт или писатель.

В агрономии элитными считаются первые, образцовые, эталонные урожаи сельскохозяйственных культур и пород скота, все дальнейшее – лишь репродукции, неизменно, на генетическом уровне, ухудшающие свои свойства и качества по сравнению с элитой.

В культуре происходит то же самое.

Элита – Писарро, Моне, Мане и другие отверженные художники – создали импрессионизм, принципиально новую живопись, живопись не внешнего мира, а внутреннего видения и переживания этого мира. Элита – Кандинский и Малевич – делают следующий шаг в живописи и от изображения чувств (импрессионизм) переходят к изображению мысли (абстракционизм).

Важно отметить, что образцы, формы и нормы, задаваемые элитой, не касаются содержания, прежде всего тематического содержания. Строго говоря, все темы – вечные, и даже в таком всегда злободневном жанре, как анекдот, мы можем и в античности найти своего Чукчу и своего Василия Ивановича.

Элитность потому и элитность, что первое появление образцов, норм и форм воспринимается культурным пелетоном в штюки, как нелепость, безобразия, ошибка, искажение, вызов, эпатаж, – по ярости первого сопротивления можно судить о судьбе и масштабности нового.

Собственно говоря, создание новых образцов, норм и форм и есть преодоление существующей культуры, освобождение от культурного рабства, как писал Ф. Ницше, сам, благодаря своему безумию, пребывавшей за гранью допустимого и возможного. Еще неизвестно, что бы мы читали у Ницше, если бы его сестра не «отредактировала» его тексты.

Это очень странное сочетание свойств культуры: с одной стороны, она, несомненно, обладает кумулятивным свойством, и ничто в ней не пропадает («рукописи не горят»), с другой – она может жить, только обновляясь и переживая все новые парадигмы. Неизменная культура окаменеивает, превращается в музейные экспозиции и буквально немеет, как немеют чудом сохранившиеся остатки разоренных культур и цивилизаций Нового Света.

Культура жива обновлениями, и потому, как нигде в другом месте, ей нужна элита. В России практически все «элиты»: властные, партийные, военные, церковные, шоу, СМИ и даже отчасти художественные – и криминальные, и политичны. Причина, к сожалению, вовсе не в молодости нашего общества, а в том, что «в условиях современной России с ее коррумпированной элитой, выдающей себя за элиту заслуг, меритократия – призрачная мечта, которая перечеркивается неприличным для цивилизованной страны уровнем коррупции» [11, с. 117].

Понятие меритократии – власти по личным заслугам – было внесено в науку и политику еще в 50-е [12]. Как признавал сам М. Янг, это – еще не справедливость, но шаг к справедливости. К сожалению, меритократия всегда эфемерна и недолговечна. Здесь уместно вспомнить такие фигуры, как генерал Вашингтон и генерал Дуайт Эйзенхауэр (США), генерал де Голль, Бен-Гурион (Изра-

иль) и... список слишком короток.

Элиты умирают в массовидности – и потому так эфемерны и недолговечны:

- там, где возникает иерархия, появляется дихотомия верха и низа, элиты и масс;
- граница между массой и элитой динамична, что позволяет рекрутировать новую элиту и отвергать старую;
- элита перестает быть элитой при потере отличия и контрастности от массы;
- для массового элемента детерминация поведения социальна (ориентирована на внешнюю среду), для элитного – определяющими являются личностные качества (эндогенные факторы поведения).

Элита бессмысленна без гражданского общества, являясь ее стратой рефлексивного управления.

Элита – это та часть гражданского общества, которая в состоянии выйти в рефлексивную позицию относительно этого общества и самое себя и в этой рефлексии осуществлять проектирование или программирование будущего. Именно эта проспективная рефлексивная способность к заданию будущего отличает народ от публики, критически реагирующей в своей ретроспективной рефлексии на навязываемые ей сверху планы и проекты будущего, от «плана ГОЭЛРО» с его «цветущими коммунами» до «2020» со снятыми с потолка показателями. В свою очередь, публика отличается от толпы тем, что толпа («массы») вовсе лишена рефлексии и испытывает удовольствие от многократного наступания на грабли.

Элита – не социально, но рефлексивно – высшая страта общества, что оправдывает ее управляющую гражданским обществом функцию. Но именно гражданское общество в стране самым тщательным образом подавляется: создается пресловутое и террористическое законодательство против оппозиции и любых проявлений самостоятельности и недовольства. Бюрократизируется вся сфера жизнедеятельности. Идея гражданского общества и коррупция несовместимы, но коррупция проела, как ржавчина, все поры государства и власти сверху донизу, что препятствует формированию этого общества. «Элита – высшая страта в любой системе социальной стратификации; ее основная функция – создавать ценности, образцы, на которые ориентируется развивающееся общество» [11]. Всему мировому опыту элитного образования Россия пытается противопоставить «массовое элитное образование» на Селигере.

На основании принципиальных различий понятий «власть» и «политика» может быть построена простейшая матрица (табл. 2).

Таблица 2
Власть и политика («пустая матрица»)

	Власть как воля и подчинение ей	Власть как влияние и признание его
Политика как борьба за власть		
Политика как множественность интересов		

Эта матрица вполне применима для обществ разных этических парадигм (по В. Лефевру):

- общества конфликтной этики (компромисс добра и зла есть добро; со злом мирись, с грешником борись; цель оправдывает средства);
- общества компромиссной этики (компромисс добра со злом есть зло; «со злом борись, с грешником мирись»; цель не оправдывает средства).

Важно отметить, что для каждого из этих двух типов общества предлагаемая матрица будет иметь разное содержание.

Таблица 3

Власть и политика: общество конфликтной этики

	Власть как воля и подчинение ей	Власть как влияние и признание его
Политика как борьба за власть	Установление единой воли	Сведение политической системы к однопартийности и ст. 6 Конституции СССР
Политика как множественность интересов	Ущемление всех не своих интересов, монополизация своих интересов как «государственных»	Власть в функции установления порядка

В целом общество конфликтной этики всегда стремится к единоначалию, единовластию, патернализму и со стороны вождей и со стороны «масс», добровольно отказывающихся от своего волеизлияния и снимающих с себя ответственность за себя самих и свое будущее.

Таблица 4

Власть и политика: общество компромиссной этики

	Власть как воля и подчинение ей	Власть как влияние и признание его
Политика как борьба за власть	Установление морального / нравственного авторитета	Учение, учительствование, жречество, пророческая власть
Политика как множественность интересов	Стремление к конфигурированию различных интересов, управленческая власть, доктринальный принцип «живи и живи давай другим»	Понимающая функция власти

Разумеется, в реальной жизни каждый учитель, пророк, жрец хотел бы иметь нравственный авторитет, но, как сказал Иисус на Тайной вечере, «кто не с нами, тот не за нас», что следует понимать как отказ от распространения авторитета дальше двенадцати апостолов, и еще ранее в Назарете: «Нет пророка в своем отечестве».

Именно в сфере политической власти наиболее заметно различие двух этических систем.

Сартори описывал первый тип политики как игру с нулевой суммой, войну на полное уничтожение противника (например, разгон Учредительного собрания в январе 1918 года, борьба с Троцким и запрет внутрипартийных фракций в 20-е годы, убийство Кирова в 1934 году, уничтожение антипартийной группы Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова в 1957 году, ГКЧП в 1991 году, расстрел здания парламента в 1993 году, дело Ходорковского 2003 и 2010 годов, «болотные дела» 2012–2013 годов, противостояние Навального и «Единой России»).

Второй тип, в терминологии Сартори, – политика как игра с позитивной суммой, политика как торг.

В экономическом пространстве обе этические парадигмы имеют свои отражения:

– в советской плановой экономике – диктат производителя и / или продавца («продавцом» в СССР было государство в лице госкомитета по ценам и ценообразованию) в ценообразовании (еще в XIX веке Зомбат теоретически доказал, что такая экономика неминуемо ведет к коллапсу, потому что в этом случае производителю выгоднее не производить нежели производить – советская экономика закончилась тотальным дефицитом на все);

– рыночный механизм ценообразования строится на примате потребителя («потребительский рынок») и взаимовыгодности торговли и для продавца и для покупателя.

Проблемой нашего общества, типичного общества конфликтной этики, является выход из этой этики и переход в компромиссную парадигму.

Это возможно, поскольку «все мыслимое возможно» (Мао Цзэдун), при этом имеется несколько путей такого перехода:

- интродукция западных технологий менеджмента, построенных на компромиссной логике;
- интродукция западной культуры (инфраструктуры, образования, воспитания, культурных и духовных образцов, нравственных ценностей и т. п.);
- саморазвитие, самовоспитание и самообразование внутри нашего общества.

В работе [13] предлагается идея, которая схематически выглядит следующим образом (см. рисунок).

Нормально, если наблюдается равноправие интересов государства и общества. Репрезентация, удержание и поддержание этого равноправия, рефлексивное управление как балансирование общественных и государственных интересов – прерогатива элиты, которая действует через промежуточные институты власти [14], фокусируя группы интересов, выражающихся в институализированных и неинституализированных структурах (вплоть до стихийных всплесков). Важно, что эту функцию выполняют все элиты, а не только политическая. В этом случае формируется полиархия [6], или власть многих.

Равноправие интересов наблюдается в большинстве демократических стран, с теми или иными неприципиальными отклонениями от этого равноправия (в Греции довлеет общество, в Германии – государство, но эти «довления» практически неощутимы).

В системе государство – общество это равноправие возможностей и интересов государства и общества достигается за счет независимости (самостоятельности) обоих институтов, что позволяет рассматривать процесс их взаимодействия как подчиняющийся «рыночному механизму ценообразования»:

_____ позиция государства
----- верхний предел «ценообразования»
(что надо обществу)
Пространство «ценообразования» (торга между обществом и государством)
----- нижний предел «ценообразования»
(как осуществить то, что надо обществу)
_____ позиция общества

Творческая, духовная, философская элита формирует и формулирует онтологию требований общества, политическая и властная элита – логику реализации этих онтологических требований, при этом процесс торга не должен выходить за рамки пространства «ценообразования».

Отмирание государства, неизбежное не только по мнению марксистов, но и как common vision, пойдет по линии перехода от государственной власти к государственному сервису – в этом случае исчезнет разница между налогоплательщиком и избирателем, сама система налогообложения сменится с идеологии «налоги на...» (на доходы, недвижимость и т. п.) на идеологию «налоги за...» (пользование государственными школами, инфраструктурой, бюрократией и т. п.).

В зависимости от этической парадигмы общества [15], конфликтной («героической») или компромиссной («христианской»), в отношениях между государством и гражданским обществом господствуют либо отношения торга (игра с приращением позитивной суммы) либо отношения войны (игра с нулевой суммой). Подобным же образом Г. Сартори [16] выделяет две стратегии политического взаимодействия: 1) неограниченная политическая борьба (игра с нулевой суммой, война); 2) ограни-

**Элита как презентация государственных и общественных интересов
(равноправие интересов)**

ченное политическое состязание (игра на приращение, торг).

Перестройка в СССР прошла как игра с нулевой суммой: проснувшееся после нескольких десятилетий спячки гражданское общество добилось фактически силовым образом (ГКЧП) и снятия пятой статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС, и развала, коллапса СССР. Буквально через несколько лет режим Ельцина силой, танками подавил общественное сопротивление.

Чем бы ни кончилось нынешнее противостояние государства и «оппозиции», это будет силовое решение в духе войны, бескомпромиссности и открытого конфликта. Неспособность общества и государства к торгу демонстрируется политическими жестами Путина, Медведева, «Единой России», лозунгом «Партия воров и жуликов» и т. п.

Речь идет не о толерантности, не только о толерантности (в конце концов, толерантность – форма выражения равнодушия, не более того). Важнейшим требованием к элите в современной России является смена этической парадигмы в стране, к доминированию отношений торга, и, следовательно, основным содержанием элитного образования для всех видов элит должно стать в настоящее время освоение компромиссной этической парадигмы.

Местные и региональные элиты, их роль и функции

Прежде всего необходимо отметить, что местная, региональная элита – вовсе не мелкомасштабные личности. Генри Миллер в Биг-Суре (Калифорния), Гауди, Казальс, Миро, Дали и Пикассо в Барселоне (Каталония), Мурильо

в Севилье (Андалусия), Толстой в Ясной Поляне (Тульская губерния) и Достоевский – в Старой Руссе (Новгородская губерния) – элита мирового уровня, но явно имеющая и местное, региональное значение.

Независимо от сферы деятельности, местная и региональная элита, как это обусловлено ее определением, бескорыстно и искренне любит свой город и край (например, не элитный географ превращает то или иное место в кусок хлеба. В том нет ничего предвзятого, если он не претендует на элитность), всячески способствует его процветанию и преуспеянию, а также представляет его во внешнем мире. Здесь, разумеется, одной любви и патриотизма мало – необходимо знание и понимание местных проблем и интересов, необходимы силы и средства их отстаивания и разрешения.

Масштаб местности никак не влияет на вероятность существования элиты в ней – это определяется масштабами и характером личности: Василий Шукшин – элитная личность села Сrostки Алтайского края, Михаил Ломоносов – Холмогор Архангельской губернии, Иван Сусанин – деревни Деревеньки под Костромой. Местная элита не стремится стяжать личную славу, но прославляет свое место.

Местная и региональная элита практически всегда публична, а потому хорошо известна основной массе жителей. Кроме того, она является местным примером для подражания и несет на себе нравственно-воспитательную миссию. Строго говоря, местная и региональная элита и есть региональный субъект, субъект региональ-

ной (местной) политики, субъект регионализации и формирования, оформления места. В этом смысле элита выполняет переход от принципиально неопределенной топике к рефлексивной, а потому и вполне и описываемой, и осознаваемой ситуации.

Слабость или отсутствие местных и региональных элит, характерные для современной России (редкие исключения – Захар Прилепин в Нижнем Новгороде, вологжанин Василий Белов, относительно недавно умерший Виктор Астафьев в Красноярском крае, Валентин Распутин и Александр Вампилов – в Иркутской области и др.), – печальный результат многолетней политики и идеологии, направленных на подавление и пресование всех местных и региональных талантов и лидеров, а также на перетаскивание их в столицу.

В свете вышеизложенного предлагается в рамках региональных и урбанистических исследований:

– включение в состав исследований вопроса о местных и региональных элитах как существенных, а в ряде случаев решающих факторов регионообразования и местной жизни;

– привлечение местной и региональной элиты совместно к этим исследованиям на правах партнеров, исполнителей и соисполнителей.

Литература

1. Хайек Л. фон. Дорога к рабству // Новый мир. – 1991. – № 8.
2. Платон. Сочинения в 3 т. – М. : Мысль, 1972. – Т. 3, ч. 2. – С. 83–469.
3. Китов Ю. В., Гертнер С. Л. Элита и интересы. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та культуры и искусств, 2004. – 166 с.
4. Кошелева А.В. Современные теории и концепции элитаризма. – М., 2006. – 29 с.
5. Паутов А. А., Вершигорова Т. П. Элита и элитогенез. – М., 2000 – 126 с.
6. Даль Р. О демократии / пер. с англ. А.С. Богдановского. – М. : Аспект Пресс, 2000.
7. Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. – М. : Наука, 1978.
8. Батраева О. Б. Социальные механизмы воспроизводства и рекрутирования современной российской политико-административной элиты : автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Саратов, 2002. – 18 с.
9. Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество. – М. : Прогресс, 1969.
10. Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Антоновского. – М. : Праксис, 2001.
11. Ашин Г. К. Мировое элитное образование. – М., 2008. – 359 с.
12. Young M. The Rise of the Meritocracy 1870–2033. An Essay on Education and Equality. – Middlesex, 1968.
13. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России. – М. : РОС-СПЕН, 2006. – 446 с.
14. Токвиль А. Демократия в Америке. – М. : Прогресс, 1992. – 554 с.
15. Лефевр В. А. Рефлексия. – М. : Когито, 2003. – 496 с.
16. Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Vol. 1. The Contemporary Debate Chatman. – New York : Chartan House Publishers, 1987.

References

- Ashin, G. K. (2008). *Mirovoe elitnoe obrazovanie* [The world elite education]. Moscow.
- Batraeva, O. B. (2002). *Sotsyalye mekhanizmy vosproizvodstva i rekrutirovaniya sovremennoi rossiiskoi politico-administrativnoi elity* [Social mechanisms of reproduction and recruitment of the contemporary Russian political-administrative elite] (Ph. D. dissertation in social sciences). Saratov.
- Dahl, R. (2000). *O demokratii* [On democracy] (A. S. Bogdanovsky, Trans.). Moscow: Aspect Press.
- Galbraith, J. (1969). *Novoe industrialnoe obschestvo* [The new industrial state]. Moscow: Progress.
- Gaman-Golutvina, O. V. (2006). *Politicheskie elity Rossii* [The political elites of Russia]. Moscow: ROSSPEN.
- Hayek, F. A. (1991). *Doroga k rabstvu* [The road to serfdom]. Novyi mir, 8.
- Hegel, G. W. F. (1978). *Politicheskie proizvedeniya* [Political writings]. Moscow: Nauka.
- Kitov, Yu. V., & Gertner, S. L. (2004). *Elita i interesy* [The elite and interests]. Moscow: Izd-vo Mosk. gos. un-ta kultury i iskusstv.
- Kosheleva, A. V. (2006). *Sovremennye teorii i kontseptsii elitarizma*. Moscow.
- Lefevr, V. A. (2003). *Refleksiya* [Reflection]. Moscow: Cogito.
- Luman, N. (2001). *Vlast'* [Power] (A. Antonovsky, Trans.). Moscow: Praksis.
- Pautov, A. A., & Vershigorova, T. P. (2000). *Elita i elitogenez* [The elite and elitogenesis]. Moscow.
- Plato (1972). *Selected works in 3 volumes* (Vol. 3, part 2, pp.83-469). Moscow: Mysl'.
- Sartori, G. (1987). *The Theory of Democracy Revisited, Part 1: The Contemporary Debate*. Chatham, N.J.: Chatham House Publishers.
- Tocqueville, A. (1992). *Demokratia v Amerike* [Democracy in America]. Moscow: Progress.
- Young, M. (1968). *The Rise of the Meritocracy 1870–2033. An Essay on Education and Equality*. Middlesex.